

Параджанов Сергей 18-25.02.36.

Мир, новости АЛЬБОМ ЮРИЯ РОСТА 1996-19
-18-25 февр. - с. 41 19

У Параджанова было столько масок, что трудно было разобраться, которая из них приросла. Лицо его было скрыто эпатажными словами, диковинными одеждами, эксцентричным поведением, шокирующим нормального обывателя (будь он хоть чиновником, хоть искусствоведом) жизненным укладом. Скучное наше пребывание в прошлых годах он взрывал своими бесстрашно художественными фильмами, известными и многим, и некоторым; своими коллажами, знакомыми немногим; своими литературными произведениями, прочитанными единицами.

Он шел по заминированному полю жизни не с миноискателем, но обвешанный гранатами, чтобы взрыв был громче.

Он погибал и возрождался и опять погибал и вновь возрождался, но после его гибели и пропажи оставались фильмы, которые жили без него, определяя новые (в каждом фильме новые) направления эстетического восприятия мира.

«Тени забытых предков», «Цвет граната», «Легенда Сурамской крепости»...

У него отбирали его работы, его фильмы монтировали другие режиссеры, ему постоянно мешали жить, но он оставался собой – в Киеве и Тбилиси, в Париже и в тюрьме...

И везде он прибавлял к мировой культуре параджановское искусство.

Больному заключенному художнику нет-нет да обламывалась бутылка кефира с пробкой из плотной фольги. Эти пробки он превращал в замечательные медали и медальоны (легкие, впрочем). Одну из таких зековских работ он умудрился переслать в Италию. Феллини и Гуэрра отлили медаль в серебре и превратили в свой приз. Параджанов был рад: за него его дарили.

Он обожал делать подарки: старинный перстень или коврик с русалками – какая разница. Из его рук, от его сердца – все теряло цену, то есть становилось бесценным.

Сколько мог бы сделать Параджанов, не знает никто, потому что никто, включая его самого, не ведал, на что он бросит взгляд художника и фокусника.

Он откладывал дела, чтобы своими руками сшить фантастический наряд из средневековых (тут он мог и соврать) бархатов и шелков для подарка Феллини. И не подарить его, объяснив любопытным, что у Феллини и без его поделки есть во что одеться. И шитье халата он откладывал, чтобы отреставрировать какую-нибудь невероятную икону. И икону эту убирал в стол, если приходили друзья. Потому что нужен зритель, и слушатель и проживатель его сказок и былей.

Его невероятно трудно было заставить вне роли странствующего по времени актера. И сфотографировать таким.

В маленьком тбилисском дворике, где он прожил с отлучками всю жизнь, Параджанов, устав от перевоплощений, сел на край ящика, в котором лежала гранитная его голова с очередной маской лица, и положил правую руку на сердце. На не очень здоровое сердце, которое у него было одно и которому нам следовало верить при его жизни.

66
B